

# КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Ежедневный орган Томского Губисполкома и Губиома РКП.

№ 60. Суббота, 18 марта 1922 года. Год издания V. Цена номера 5000 руб.

Сегодня в номере:

- СТАТЬИ**
1. Коммуна пала, да здравствует коммуна!
  2. Три Коммуны.
  3. Две армии.
  4. Большой террор и др. СТИХОТВОРЕНИЯ И ИЛЛЮСТРАЦИИ.

## Коммуна пала—да здравствует Коммуна!

Революционное движение рабочего класса по пути к его конечной цели—коммунизму идет развиваясь от побед и поражений и опять к победам. В процессе борьбы этот путь устилается миллионами жертв, гибнут лучшие борцы за дело нового человечества.

Но таков уже закон истории. Победа куется непрерывной борьбой, а в борьбе этой без жертв нельзя обойтись; только в муках рождается новое человечество.

Парижская Коммуна пример величайшей победы и в то же время страшнейшего поражения рабочего класса.

Родившись в условиях огромнейшей разрухи, из голода и нищеты рабочего класса, доведенного до отчаяния преступной политикой буржуазии, Коммуна явилась не только необходимостью, но и ярким спасением для трудовых масс Парижа.

А для международного движения она, по выражению Маркса, явилась тем исходным пунктом, всемирно исторической важности, который был завоеван французскими рабочими.

В чем же, всемирно историческая важность Парижской Коммуны?

Ф. Энгельс определяет ее, как первый опыт диктатуры пролетариата, а творец научного социализма К. Маркс еще с большей рельефностью разъясняет эту мысль: «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступала благодаря Парижской Коммуны в новую фазу».

Создав первое в мире рабочее правительство, вступив решительно на путь уничтожения эксплуатации человека человеком, рабочие Парижа доказали, что действительное равенство возможно на земле, но лишь при условии решительной борьбы труда с капиталом, при условии полного уничтожения частной собственности.

1871 год еще не имел подготовленной почвы для победы, и коммуна погибла.

Десятки тысяч коммунаров пали жертвами овершерной буржуазии, лучшие борцы погибли за дело нового человечества.

И в летописи истории буржуазия занесла, как жестоко она мстит за страх, испытываемый ею в первые дни рабочего восстания.

Парижская Коммуна погибла, но не погиб тот класс, которому история предначертала быть могильником капиталистического общества и строителем нового мира.

Идти от поражений к победам, пролетариат учится на своих старых ошибках, теснее смыкает свои ряды и с еще большей силой идет на штурм старого эксплуататорского мира.

В дни Красного октября 1917 г. русский рабочий класс доказал, что он воскресил погибшую Парижскую Коммуну и воздвиг вновь над миром знамя, на котором начертаны аныма, на котором начертаны слова:

«Парижская Коммуна пала, да здравствует Коммуна!»

Л. Кацнельсон.

## Парижская Коммуна—первый опыт рабочего класса сломать машину буржуазного государства и на ее обломках утвердить свою диктатуру.

## ТРИ КОММУНЫ.

«Утром 18 марта 1871 г. Париж был разбужен громадным криком: Да здравствует Коммуна! Что же такое Коммуна?», — это слово, создавший такую великую силу буржуазии могли?»

Керр Маркс. «Гражд. война во Франции».

Такие же громадные крики прозвучали в России и Венгрии. И слово «Коммуна» явилось задачей и причалом острую борьбу пролетариату уну буржуазии.

Нужно теперь, в вздох революционной борьбы уделить время великим восстаниям. Мы члены Российской Коммуны воздадим лучшую дань памяти расстрелянному рабочему поколению Парижа, и по тончайшей в крови и задушенной носилками Венгерской Коммуны, если придет алаяя обитица, все эти слова войны обитица познания историческая. Если обитица для себя впер, приобрел явное больше выдержки, как борцы за ничей социалистический переворот, обогащенные опытом Парижской и Венгерской Коммуны, будем бороться до тех пор, пока над могильником погибших коммунаров явное не развернется красное знамя.

Что ж мы можем почерпнуть из истории Парижской и Венгерской Коммуны?

— Буржуазно-капиталистический строй анархичен, сам себя противоречив. Анархия в капиталистическом производстве порождает кризисы во устранимые классовых интересов, война между государствами (империализм) как

спиталистов—собственников. Угнетенные классы в полнейшей зависимости от класса господствующего. Все тяжесты войны, всецело доходя до классов угнетенных. Если в мирное время массы кровак мирятся со своим притеснением, то во время войны, когда давящее на них со стороны государства достигает высоты террора, терпению приходит конец и гнев сущий до сих пор еще в разгах вырывается наружу.

Войны: франко-прусская 1870—71 г., русско-японская—1904—05 гг., мировая 1914—17 г. были порождены самой анархичностью капиталистическо—буржуазного общества.

Завоевательными войнами всегда слелуют революции, но массы не ходят в ряды завоевательной губки.

Парижские рабочие восстали (тут не идет речь об удачном или не удачном) измученные войной 1871 г. Русско-Японской войной следовала революция. Почему восстали трудящиеся России и Венгрии—понятно каждому.

После завоевательных войн всегда слелуют революции неизбежно. Если эти войны мировые—революция слелует в масштабе мировом.

Вот, что пишет Маркс 1 сентября 1870 г.: «Настоящая война, хотя прусские осы полны не могут, точно так же повелит и война между Россией и Германией, как война 1866 г. привела к войне между Пруссией и Францией, и это будет измученная слелует».

Легко полвека могильной насыпью, И день Коммуны—о павших трезна. Но каждый павший навеки спасся И в стане красных их красных призрак.

Нам песня-сказка недавних былей, Каким пропета безумным автором, О тех, чьи кости давно в могиле И чьи могилы ступенью в завтра.

Из рук предтечей упавший факел Вновь нами поднят и не погаснет. Знамен и песен свиваем маки, И наша трезна—победный праздник В честь тех, кто искру зажег во мраке.

Атео.

## Кто были коммунары в 1871 г.

Парижская «Коммуна» боролась за дело коммунизма, за интерес пролетариата. Поэтому из защитников Коммуны большинство были рабочие. Данные официальной следственной комиссии указывают на профессии овершерных коммунаров: среди них было:

Шпатель . . . . .	2902
Слесарей-механиков . . . . .	2664
Каленников . . . . .	2208
Привазинов . . . . .	1898
Слопников . . . . .	1491
Слушачих . . . . .	1005
Маларо . . . . .	863
Типографских-работчих . . . . .	819
Каменотесов . . . . .	766
Портнягов . . . . .	681
Столяров . . . . .	1429
Столяров-подрывных . . . . .	636
Юсозиров . . . . .	528
Лавочкин . . . . .	382
Кожанников . . . . .	347
Слушаторов . . . . .	283
Действительных . . . . .	227
Действительных . . . . .	224
Шаломников . . . . .	210
Портных . . . . .	206
Васночкиков . . . . .	193
Часовников . . . . .	197
Полозотчиков . . . . .	173
Обойщиков . . . . .	159
Форм-выпиков . . . . .	159
Куртовачников . . . . .	124
Черепашечников . . . . .	106
Преподавателей . . . . .	106
Инструментальников . . . . .	98 и т. д.

Эти—цифры далеко не полные, так как многие они из следственной комиссии военных судов.

ем товарища война по отношению и Германия. Истинное пруссачество никогда не существовало и существовать не может иначе, как только в союзе с Россией и в рабской от нее зависимости. Такая война № 2 сыграла по отношению к неизбежной русской социальной революции роль повивальной бабки» (Переноска Маркса с Берга).

И верно. Все империалистические войны по отношению к революции играют роль повивальной бабки.

И так, Маркс ждал от русско-германской войны освобождения России и Германии. По отношению к России его пророчество уже исполнилось, и будем надеяться, что обудется и по отношению к Германии.

Русско-германская война развила в мировую и мы можем уверенно сказать, что следствием этой войны есть не только освобождение России, а именно Венгрии и Германии, но если не полная победа рабочих во всем мире, то нанесение мировому капиталу решительного удара.

Парижская Коммуна, рожденная Франко-Прусской войной (в глубоком смысле этого слова) погибла. Рабочие оказались неподготовленными к политической борьбе. Они не были организованы в самостоятельную политическую партию, построенную на классовых началах и преобладающую классовые цели, в такую рабочую партию, которая не только готовилась бы к боям с властью, но и опиралась бы с упрежденными силами, в повседневных конфликтах с буржуазией, чтоб в решительный момент не оказаться не подготовленными.

Почему же погибла Парижская Коммуна?—Если французские рабочие были бы организованы в политическую партию, то события явились бы другой оборот. И социальный диктатор Коммуны остался бы факт ее существования.

Маркс 17 апреля 1871 г. писал: «Борьба классов рабочих с классом капиталистов и их государством, благодаря Парижской борьбе, вступила в новую фазу. Чем бы дело ни кончилось, новый исторический пункт возникнет—исторической задачей является».

Факт существования Парижской Коммуны убедил рабочих, что им в борьбе с капитализмом нужно организовываться в политическую партию.

Венгерская Коммуна, рожденная мировой войной, погибла. Венгерские рабочие были организованы в политическую партию. Но в чем же дело? У этой партии не было самостоятельности, которая заключалась в том, что Политическая рабочая партия вошла на самостоятельную с партийной интеллигентской—мелкобуржуазной.

В эпоху социальных революций у нас сарадин нет. Либо делять политическую партию коммунистическую, либо безпартийную. Либо революция, либо контр-революция.

Раз рабочая партия Венгрии пошла на соглашение с сарадинной (интеллигентской)—мелкобуржуазной, под которой трудяе газелишь, но легко убраться, капиталистам неизбежно от этого и погибла Венгерская Коммуна.

Все революции безуспешны, если делющие их совсем не организованы в политическую партию, и из-за несамостоятельности этих политических партий.

Российская Коммуна также рождена мировой войной. Это лишь победителем начало мировой революции, слелуемой после мировой войны. Ее не сломали контр-революционеры.

Что за волшебный замок, что за неразгаданная загадка для буржуазного мозга Российская Коммуна? В чем сила и непобедимость ее протрессоствозания, итавлешему с слелушкой ее мировому капиталу?

— Русский рабочий класс организован по опыту Парижской Коммуны в политическую партию. Во войнах, по опыту Венгерской Коммуны в самостоятельную партию (такая и трудя была Борба, пока жилили на своей партии разные уклады), в которой нет места соглашательству даже на 1/2 ирел. В которой «абсолютность» «коммуны».

Что же мы упустили и обидели для себя из истории трех коммуны? Коммунистическая революция порождает империализм.

Коммунистическая революция не бездур, когда рабочий класс, совершивший эту революцию организована в политическую и приняла самостоятельную партию.

Фр. Паузер.



Человек, которому смело...

## Две армии.

«Как только мне удалось собрать 30000 человек, я сказал себе, что настало время прогнать империализма».

Из воспоминаний Тьера.

Событие, в котором мы собирались говорить было 51 год тому назад.

— Оно называется Парижской Коммуной.

Пролетариат, рожденный победным штурмом капитализма, иди же называемый на его имя раба, стал моральным пережитком его строя. Это было первое событие, с которого началось враждебное стремление к социализму.

И этим же грандиозным элементом обнаружено, что существующий капиталистический строй через несколько лет себя поглотит.

Парижская Коммуна была первым мандемическим шагом между партийно-пролетариата к диктатуре рабочего класса.

Как и всякая революция—Парижская Коммуна—даст нам ряд чрезвычайно важных уроков, без учета которых крайне необходимо для тех, кто вала на себя по долгие революционные традиции.

Одним из таких уроков является революционная ошибка, допущенная парижскими пролетариатом по отношению к революционной армии.

Если не считать объективных условий, сложившихся неблагоприятно для Парижской Коммуны: оторванность города от провинции и т. д., во вина за поражение падает целиком на реальный и медлительный образ действия самих коммунаров.

Они не сумели создать армию и не могли поэтому вести систематическое сопротивление империализму, итавлешему их уступчивости.

Материал, предмет боевого снаряжения, орудий и оружия было больше чем достаточно.

Но сообщению историка, Париж насчитывал около 300000 человек с большим воодушевлением вращивших в бой; имел до 2000 орудий, стратегическое пользование которыми делало Париж неосужденной твердью».

И несмотря на это, Тьер был большим трудом нанес поражение храбрым коммунарам. 50000 хороших управленцев создали было достаточно, что бы ввести революцию в венгерские части коммуны.

Историческая ошибка 3 апреля показала, что у коммунаров были фактически не существовало.

Ее случайные командиры, не имеющие переднего представления о военной стратегии, неограничили лишь на искусство и отчаяние.

Героизм, апаичеца безумной падедей победы, угнетенные бое

способность в тревогу и хаотичности пошу рассуждений, они слелали революционно настроенный пролетариат Парижа жертвой своего безумия.

Главный мекг всякой армии, штаб, организован не был. Командование в точном смысле этого слова отсутствовало.

Не было ни центрального руководящего аппарата, ни дисциплины в ней.

Свидетель этих событий так описывает положение армии: «Одни батальоны оставались в траншеях по 20—30 дней, тогда как другие были поставлены в резерв. Эта беззаботность убивала скоро вселую дисциплину. Люди храбрые скоро захотели вносить лишь от самих себя; другие уклонялись от службы. Также поступали и офицеры; одни брались своей ищет, чтоб ити на помощь к соседю; другие уходили в город».

Тяжелое положение, чтоб не сказать больше, указано.

Коммуна допущена роковым ошибкой. Она не создала регулярной Красной Армии; не могла придумать средств служить делу рабочего класса; не сумела внести революционную дисциплину и порядок.

Но удивительно поэтому самоуверенное заявление Тьера, которое мы поставили эпиграфом к данной статье.

Если теперь пролетариат параллель с нашей Красной Армией, то раз создается—получится огромное.

Русский рабочий класс до того умно и умело построил свою Красную Армию, что сумел в течение целого ряда лет сопротивляться не только Тьеру, а и натеску империалистической буржуазии, под предводительством дивичных и наудных русских и иностранных «Тьеров».

Красная Армия—это одно из самых дивных и величайших созданий рабочего класса России; это есть наиболее терпеливый и вальнейший учет ошибок, допущенных Парижскими пролетариатами.

Свою победу мы итали поражений французских коммунаров. Там армия—победоносная; здесь армия победоносная.

Тысяч разрозненных коммунаров итавлешему не было; они находивались на об опасности и заставляли быть наготове.

«Мужики Коммуны воздвигли себе памятники в великом сердце рабочего класса» (К. Маркс).

Очевидно сегодня это славанное событие, курсант и красноармеец должен помнить, что он продолжает великое дело парижских коммунаров и бездарно их парализовать, совершая ошибки.

В. Мазинер.



бой черную смерть пыльного мрака.

— Разве вы—человек—еще не загорелись, или не знаете о том я кричу.

— Снепы.

— Вы.

— Послушайте, Я говорю о Коммуне. И если вы—все-таки чужды, сердце и уи ваш должны загореться пожаром идущей Коммуны.

Вы свернули штаны из кармана торсион протестарнат сетал колос салло против изветных рабов вещей, против замшелой собственности.

Мощным махом граву торговшей живыми душами из каменного блестящего горда—вои!

Чтобы строить везную красоту Свободы.

Париж, пострешный возко рабочих стаз свободным, потому что принадлежал законно рабочим, Коммуне и Революции.

Вброшенная гражданость торговалась о цене истребления протестарната.

Но рабочие готовились к отчаянью дерской и прекрасной защите Красных Знамен от всех сонных гнетов.

Немного времени шла напряженная борьба.

Как реяла красные знамена! Как звала человечество к тому, что уорно и победно делаем мы—своя победим.

Ослабевшие и туманные злотом—шли многие незнающие за черной сворой.

И в руи своих палачей бросила она безметельно на смерть тысячи гордых жваней протестарнат Парижа, сметая смерть их со смертью невинных и слепых.

Под пурупор, кровь обгаренных алых знамен, грядило по габилы первые жертвы сегодняшнего воплощения, что-бы в безнечности времени отбасы беско вечно живыми.

Жанке слуги капитала избуком давила мозг душам, пытком выказывали глаза будущего...

— Мы — будущее Парижской Коммуны.

— Напрягай мышцы творчества, заваля мозг к грядущей побде!

— Если нет жизни ослабшим бордам, не будет жизни ни когда...

— Нисогда! палачам и отродию их.

— Вы, человек, греми Коммуной радостно. В ней правда земля.

Андрей Свободный.

# РАССТРЕЛ.

Он поднялся на пыльные ступени. Подожвы жло от раскаленных плит. И за спиной изломанною тенью Был перерезан сумрачный грант.

Пред ним шоренга. Замкнутые лица, Прикладов стук и синий отблеск дул. А там Париж—подстреленная птица, И оргии неустовой разул.

И руки в небо вытнаны как струны, Он бросил к солнцу свой последний крик: —«Коммуна умерла,—да здравствует Коммуна!» И вместе смел за дымом скрытый лик.

Н. Хохлов.

# Великая жертва.

— Слезте! О Везной, горящей в сердцах протестарната неостыливыми огнем —Жертве, о Коммуне Парижских рабочих—кую я вам.

Историчные и годовые, гордые и смелые протестарны города вселенной буржасции перанной борбей бросили в угасоний мир—Прайдой вяжоную бомбу. Открыто и смело, прекрасно и дерзко надежду живой жизни.

Серье ведомым шли убивать живых себя.

Что-бы убедить мир в рожающеме Правде рабоче Парижа

должны были бросить себя на алтарь человечества.

Грозный и пламенный порыв—прегнать сытык и довозинны.

Под гром смертоносных машин, в круте черной своры, занкнутые в стейт злотые гиничные рабочие Парижа заметули над дымами фабрик Красное Знамя Мировой Коммуны—Песнь новой, небывалой, невиданной Жизни.

Но свирепы и кроваждамы, как и сама жиром довлелася буржуазия—вожди ся, носящие с со-

**Русские рабочие являлись первыми, кто понимал великий урон коммунарлов—они создали Советскую Россию.**

# Воззвание коммунарлов к парижским гражданам.

(Из документов Парижской Коммуны).

Париж осажден... Париж бомбардируют.

Граждане! Где же наши дети, наши братья и мужья... Слышите вы рев пушек и призывный злов набата?

К оружию! Отечество в опасности!

Что этот Иан чужеземец опять хочет завоевать Францию. Или это союз европейских тиранов ищет свои легаши, чтобы уничтожить наших братьев, до основания разрушить наш город, истребив самую память о бессмертных победах, похунавших нашу кровь в течение велого столетия, о наших завоеваниях, имя которым—свобода, равенство и братство.

Нет,—это враги, это убийцы народа и свободы, французы.

Это братоубийственное безумие, овладевшее вдруг Францией, этот смертельный бой—финал вечног антагонизма между правом и силой, между трудом и эксплуатацией, между народом и его палачами.

Наши враги—это все те, кто пользуется привилегиями существующего социального строя, те, кто жила нашим потом и жиром от нашей нужды...

На их глазах народ восстал, заявив: „Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей. Мы желаем работать, но хотим сами пользоваться плодами нашего труда... Долой эксплуататоров, долой хозяев... Пусть труд будет источником благосостояния для всех; пусть народ сам будет правительством-Коммуной; будем жить и работать свободными или умрем, сражаясь“.

И страх предать перед народным трибуналом толкнул наших врагов на величайшее вероломство, на гражданскую войну.

Граждане Парижа, выучи тех женщин Везки и Революции, которые во имя народа и справедливости некогда отравились в Версале и привели оттуда великого Людовика XVI. Дону стия ли мы, французские матери, жени и сестры, чтобы нужда и невежество превратили наших детей в наших врагов, чтобы отец восстал на сына, брат на брата и чтобы они ушнали друг друга на наших глазах, но притеснителей, сперва преданных Париж пруссакам, а теперь желающих погубить его.

Граждане! Настал решительный час. Надо покончить со старым миром. Мы хотим свободы. Взгляните: не одна только Франция понимается,—взоры всего цивилизованного мира обращены на Париж все ждут нашей победы, чтобы в свою очередь добиться свободы. Даже Германия, та самая Германия, народолюбием армия которой опустошила нашу родину, стремится искоренить приципы демократии и социализма, даже она взволнована и потрясена дыханием революции. Уже 6 месяцев она объявлена на осадном положении, а представители ее рабочих заключены в тюрьму. Даже в России на смелую защиту никам свободы, уничтоженным правителям а , встает новое поколение борцов, готовых так же бороться на смерть за республику и за обновление социального строя.

Ирландия и Польша умирют, чтобы возродиться еще более сильными в новой жизни. Испания и Италия вновь нашли утраченные силы и присоединились к интернациональной борьбе народов; в Англии—все протестарский, живущий связи “трудом маен не прекрют уже, в силу своего социального положения, на сторону революции; в Австрии—правительству приходится подавлять одновременно и восстание целой страны и возмущение славянских княжеств. Не указывает ли эта вечная борьба между правящими классами и народом, что дерево свободы, незле века орнаментное потоками крови, принесло, цвело, плоды.

Граждане, перчатка брошена. Мы должны уверить или победить. Пусть всякая женщина, думающая „что имя и торжество нашего дела, если я потеряю тех, кого я люблю“, поймет, что есть только один путь для спасения

Горе матерям, если народ опять окажется побежденным. Их маюткам придется заплатить за поражение в Уасти, ожидающая наших мужей и братьев в случае поражения, протрешена: разлука реакции не будет знать предела. Ни мы, ни наши враги не хотим милосердия.

Граждане, решитесь же! Соединимся, чтобы действовать уопеку общего дела. Будем готовы к тому, чтобы зачинаться и чте бы встать за наших братьев. В воротах Парижа, на баррикадах, в предместьях... Будем готовы, чтобы в нужный момент приняти участие в борьбе. Если негодия, расстреливавшие наших пленных и убивавшие наших вождей, дадут залп по толпе безоружных женщин, тем лучше. Грак укаса и негодования во всей Франции и по всем мире приведет к завершению того, что мы начали. Если окажется, что все ружья и штыки разобраны уже нашими братьями, то на нашу долю остаются бунажники мостовой, чтобы убивать пленников.

Группа граждан.

Париж, 11 апреля 1871 г.

Через несколько дней после этого воззвания та же группа отважных защитниц Коммуны опубликовала свою революцию, предлагающую ряд конкретных мер. Революция была подписана следующими именами:

Аделаида Валлетта (работница), Неэми Колд-Валь (работница), София Гро (работница), Жозефина Пратт (работница), Селена Дельвалье (работница), Эне Дельвалье (работница), Елизавет Давтриева.



# Белый террор палачей Коммуны.

(Париж в мае 1871 г.)

Порядок царит в Париже. По всюду развалины, трумы, тяжелые стоны. Паго звякает посредние улицы сабая офицера и старожоние подражат ему утнера. Певоду буваки; один, замученные сетью и репей, спит среди зрой, другие приготавлиют вод, поют песни.

Предсезное зламя трусымо вывешено из всех окон, чтобы избавить дема от обсырок. Ружья, палатки, мундиры нагромождены массами в народных кварталах: их выбрасывают из окон или проносят ночью неугнанные жители. Подперев голову рукой, в габубной задумчивости, у дверей сидят работницы, тихо пождавая сына, мужа, которые уже не вернутся.

Версальские эмигранты, бесстыдные толпы торжествуют победу цезаря, заволают со среды бульвары. Эти господа набрасываются на жонвы пленных, приветствуют елважи конных жандармов,—некоторые дамы делают им сапоги, встречают ашодиссиментами ороваленные повозки. На террасх кафе, среди густой толпы деши, офицеры рассказывают о своих подвигах. Штатские не отстают от них, стараются выдумывать самые замучившие истории. Один, не бывший дальше уади Монпартре, ошисывает вьзате Шато-д'О хае-зается, что он расстрелял 12 его заштыков. Элегантные дамы иудт поглазеть на трупы и, заваливаясь, поднимают кончик зонтика из одежу.

«Жители Парижа», заявляет в своей прокламации Макс Магон: «28-го Париж освобожден: теперь борьба кончена, возродится порядок, труд и безопасность».

«Особожденный Париж» отда-ется во власть четырем командантам: Вагду, Ладриеру, Сьезе и Дюо. Восстановляется осадное положение, силнее Коммуной. Правительство Парижа становится грома-нским Париж армия. Прохожих за-стывают разрушать баррикады. Великий знак потерения казаны. Велет арестом, велет прокламация—смертью. Расклевывается объявление, что все, у кого будет найдено оружие, будут немедленно преданы военному суду; что все жители всякого дома, из которого раздастся выстрел, подвергнутся уголовному истреблению; что в 11 часов все общественные учреждения должны быть закрыты и только офицеры в униформе могут свободно разгуливать по улицам. Ночью конные патрули разезжают по городу. Войти в Париж труднее, выйти невозможна: огорожены и те не могут проходить в уади; обнаруживается недостаток в естных припасах. По окончании борьбы армия превращается в ряд отрядов, назначенных для настывых расстрелов. В июне 48-го года Ваняная община пиняло-вания, и проивал массовые избиения. Твар явлася, что будет действовать по закону, и позволяла армия делать все, что ей угодно. Он стал поклонником самых страшных дел, чтобы потом провозгласить свою знаменитую фразу: «О социальном положении, и надорва».

После их расклевывания, что следат неслыханно было совершать,—ажки: самые страшные избиения проивали после битвы.

Мы видели у одного торговца явном на площади Бульвара в воскресенье утром совсем еще молодые солдат, морских отрядов при

ывае 1871 года. «Много убитых?» спросил мы: «Генерал нам приказано брать в плен». К сожалению, они не могли нам назвать фамилию своего генерала. «Если бы она не подлагала», сказала один, «с ними бы так не обращались, но раз они поднимают—надо их убивать» (буквально). Потом, обратился к товарищу: «сегодня утром»,—и он указал на баррикаду Марк: «свуда пришел один, в блате;—быть может, вы меня не расстреляете»,—сказал он.—Нет, нет.—Мы проуслышали его впереди, а потом... пан-пан, как он заридкал ногами».

В воскресенье, 28-го, по окончании борьбы несколько тысяч человек, схваченных в окрестностях Пер-Лашеза, были отведены в тюрьму Ля-Рокетта. Начальник батальона стоял у входа, осматривая с головами до ног пленных и затем кричал: «направо, налево». Направо—смертный приговор: пленные немедленно выворачивали наружью, выстреливали их перед стеной и убивали. Неподдающему стола два связничника и бормотали молитвы.

С воскресенья до утра поведель явля в одной Ла-Рокетт было извещено 1.900 человек. Та же реакция в Мазеле, в военной школе, в парке Монсо, в Лизежурге, где убиты тысячи солдат, едва могли уже держать ружья на весу и стреляли в упор, ружейным дулом к салес расстреливаемых. Стояла терраса, у которой становились несчастные жертвы, была вся усеяна кусками человеческого мозга, солдаты-палачи ходили по лужам крови.

Война совершалась без великих дел. Некоторых пленных отводили в военные суды, целой сетью которых покрывал Париж и повелевания. В этих судах представляли или членами были офицеры прокламационной Национальной Гвардии. Они сидели развалом, в габ-

лами меж колен, с сигарами в зубах. Допрос продолжался четверть минуты: «Вы являлись за оружие. Вы служили Коммуне. Покажите ваши руки». Если поза объявленного была решительная, если его физиономия не являлась, не спрашивали ни его имени, ни его профессии, не отвечали его ни в одном слове, только завывали: «Онаеси. «Теперь вы...» обращались они к соседю и т. д.—до конца веревцаи осужденных. Те, которые непамяти каприз, назывались «обязанные» и сохранялись в Версале, но никто не был освобожден. «Обязные» отдавались в руки заводов, которые их отводили в казарму Лобо. Там, заперши ворота, жандармы, не образованные даже грудо из пленных, стреляли по ним. Некоторые, будучи легко ранены, бежали изде стени: жандармы охотились за ними, добивали их. Эдуард Мери погиб во время одной из этих бег; аявлял на улице Риваши, он был отведен в Шатле. Жена бежала за ним до ворот казармы Лобо и слышала залпы: кто расстреливался е мужа.

В Лизежурге жертвы военного суда были предарительно брошены в погреб мезоний вид ливной кухни, куда воздух проникал через одно такое узкое отверстие. Офицеры заседали в зале первого этажа, битком набитой предателями с трехцветными нашивками на рукавах, полчищами агентами и привилегированными буржуа, наблюдателями сильных ощущений. Как и в Шатле, допроса являлось: всякая защита бесполезна. После суда пленных или возвращали в погреб или отводили в сад; там их расстреливали, но стени ходили коши, солдаты и здесь ходили по лужам крови.

Также же убивали прокламационных политическую школу, в казарме Дюла, на вьзках Северного и Восточного, в батаниском са-

ду, во многих казармах и в других местах. Жертвы умерали протом. Многие сепеливали руки, на которые сами возложены следат открыть огонь. Женщины и дети шли со своими мужьями, отцами, с криком: «Расстреляйте нас вместе с ними». Были женщины, не удостоившиеся в борьбе, которые так возмущала эта бвния, что они выбежали из домов, бросаясь в офицерам, нагряжали их пощечинами, и потом сами становились в стени, ожидая смерти.

Офицеры, только что вернувшись на Германию, с наслаждением мстия «теперь Парижу, который своим отказом от капитуляции подчеркнул их постыдную трусость; офицеры—бонапартисты палье-важасы теперь случает, чтобы снести старые счеты с республиканцами. Генерал Де-Лакретьот отдал приказ расстрелять Черушии, который покартуловал 200.000 франков на камишину против палебсчитта. Доктор Томи Муаэн, оратор Народных собраний, был приговорен к смерти в за то, говорил палачи, что совершил злодеяние, но за то, что был республиканцем,—«среди из тех людей, от которых необходимо отделяться».

Республиканцы левой, неименитых в Коммуну была доказана на самых очевидных образам, не осмеливаясь показаться в Париже из страха, что и они будут расстреляны.

Но не имели счастья подвергнуться суду: многих убивали на доуде, перед дериьми их дома, на площади, как доктора Паппа-Павля, расстреливанного на улице Риволя, где его труп ждал полый день, придем солдаты не упустит случая снать е него сапоги; или как президента клуба Сен-Сольманне, которого вытнали на улицу в одной рубашке. Палачи нечелз, низкого контроля не было, армия стелала в кого долае, у-



